

УДК 340-051

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШИН,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: fedor062@yandex.ru

ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ ВЛАДИМИРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ УТКИНЫМ

Для цитирования

Грушин, Ф. В. Интервью с доктором юридических наук, профессором Владимиром Александровичем Уткиным / Ф. В. Грушин // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 242–250.

Краткая биографическая справка

Владимир Александрович Уткин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Юридического института Томского государственного университета, председатель Общественной палаты Томской области, родился 1 февраля 1956 г. в г. Кимовске Тульской области.

В 1978 г. окончил с отличием юридический факультет Томского государственного университета (ТГУ). С 1978 по 1981 год обучался в аспирантуре ТГУ под научным руководством доктора юридических наук, профессора А. Л. Ременсона. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Соединение наказания с мерами исправительно-трудового воздействия – принцип советского исправительно-трудового права».

Свой трудовой путь по специальности начал в 1981 г. на юридическом факультете ТГУ в должностях ассистента, старшего

© Грушин Ф. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой исправительно-трудового права и криминологии.

В 1990 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Правовые основы участия общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений среди осужденных без лишения (ограничения) свободы и судимых» в Харьковском юридическом институте. В 1992 г. ему присвоено ученое звание профессора.

В 1991 г. возглавил творческий научный коллектив ученых сибирских вузов, подготовивший альтернативный проект Исправительно-трудового (Уголовно-исполнительного) кодекса Российской Федерации. Впоследствии входил в состав комиссии по разработке Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

В период с 1993 по 1997 год служил в должности начальника кафедры, заместителя начальника Томского филиала Республиканского института повышения квалификации МВД России (ныне – Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России).

С 2000 г. и по настоящее время состоит в должности директора Юридического института Томского государственного университета, одновременно выполняя обязанности заведующего кафедрой уголовно-исполнительного права, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, подполковник внутренней службы в отставке.

Научные интересы В. А. Уткина находятся в сфере уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, международно-правовых основ борьбы с преступностью. Им (лично и в соавторстве) опубликовано свыше 300 работ, в том числе монографии, комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации, учебники и учебные пособия.

В качестве эксперта международной неправительственной организации Penal Reform International В. А. Уткин в 2000–2002 гг. успешно осуществлял научное руководство проектом «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации», предполагавшим реформирование системы наказаний, реорганизацию службы исполнения наказаний без изоляции от общества, экспериментальную отработку механизма исполнения наказания в виде обязательных работ в ряде регионов России, а также формирование общественной поддержки и привлечение добровольцев и общественности к реализации уголовно-правовых мер без лишения свободы и профилактике рецидива преступлений. Кроме того, он оказывал существенную помощь законодательным органам Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан при разработке новых уголовных и уголовно-исполнительных кодексов.

Под научным руководством профессора В. А. Уткина защищены 26 кандидатских и одна докторская диссертация.

За плодотворную научно-педагогическую деятельность и значительный вклад в развитие уголовно-исполнительной системы В. А. Уткину присвоены почетные звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» (1998), «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2008). Он награжден орденом Дружбы (2006) и медалью Президента Республики Казахстан (2005), золотой и серебряной медалями «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы России» (2009) и «За укрепление уголовно-исполнительной системы» (2006), иными ведомственными и региональными наградами.

В 2018 г. В. А. Уткину вручено благодарственное письмо Президента Российской Федерации.

Интервью

Грушин Ф. В.: Здравствуйте, уважаемый Владимир Александрович! Спасибо большое, что согласились дать интервью для нашего журнала «Уголовно-исполнительное право». Вы первый, у кого мы берем такое интервью для нашей новой рубрики «Интервью с ведущими учеными-пенитенциаристами».

Уткин В. А.: Спасибо за высокую честь.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, первый вопрос: как вы вообще пришли в юриспруденцию?

Уткин В. А.: В Томский университет я поступил в 1973 г., приехав из маленького шахтерского городка в Кемеровской области. Еще школьником мечтал быть следователем и поэтому уже начиная с 8-го класса готовился к поступлению в университет. Моя мечта осуществилась, несмотря на то что конкурс тогда был огромный – 17 человек на место. С тех пор, подчеркну, я ни разу не пожалел, что стал юристом, хотя мои устремления в рамках общей траектории юридического образования изменились и уже в середине обучения я заинтересовался вопросами науки. По счастливой судьбе, наверное, на моем пути встретился такой замечательный человек, как профессор Александр Львович Ременсон, благодаря которому я, собственно говоря, всю свою жизнь посвятил науке ранее исправительно-трудового, а сейчас уголовно-исполнительного права.

Грушин Ф. В.: Можно сказать, что Александр Львович был тем человеком, который Вас направил в юриспруденцию как науку и оказал влияние на Вашу дальнейшую судьбу?

Уткин В. А.: Александр Львович был замечательный человек. Фронтовик, тяжело ранен во время войны, будучи курсантом военно-морского училища, бойцом морской пехоты. После войны он защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора М. Д. Шаргородского, был направлен в Томский университет и стал одним из основоположников современной послевоенной версии юридического факультета. Он один из основателей современной отечественной науки тогда исправительно-трудового права, наряду с такими известнейшими учеными, как Николай Алексеевич Стручков, Игорь Викторович Шмаров, Геннадий Анисимович Туманов. Они заложили основу современного прочтения всех проблем уголовно-исполнительной деятельности. Он, конечно, оказал на меня глубокое влияние и как человек, и как ученый. Я до сих пор стараюсь соответствовать высокому уровню требований, которые он предъявлял к своим ученикам. Учениками Александра Львовича в Томском университете были и такие известные ученые-пенитенциаристы, как профессора А. И. Зубков, В. И. Зубкова, В. И. Селиверстов, О. В. Филимонов, В. Д. Елеонский, Л. М. Прозументов.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, возможно, Вы вспомните какой-то пример из общения с Александром Львовичем, характеризующий его лично. Мы все его знаем как великого ученого.

Уткин В. А.: Александр Львович обладал громадным житейским опытом. Можно, конечно, говорить о многих ситуациях, связанных с научными дискуссиями, но это другое. Я, будучи тогда молодым человеком, конечно, нуждался еще в определенном, условно говоря, отеческом влиянии в плане решения житейских вопросов, и Александр Львович был весьма прозорлив в определении моего будущего поведения. Например, когда я защитил кандидатскую диссертацию, мне как молодому кандидату наук предлагали разные варианты будущего трудоустройства в других местах, причем с предоставлением квартиры. У аспирантов, понятно, с жильем проблемы всегда были, квартир не было, жил в общежитии. Александр Львович сказал, что ты себя в науке еще реализуешь, а вот какое-то время ты должен заработать, условно говоря, на квартиру. Нисколько не противореча

своим убеждениям, я стал секретарем комитета комсомола Томского государственного университета, приобрел огромный опыт в работе с людьми, решил жилищный вопрос. Я благодарен Александру Львовичу за то, что он порекомендовал мне не бежать за тем, что лежит близко, а смотреть дальше. И хотя докторскую диссертацию я защищал уже без его научного руководства, все те жизненные и научные идеи, которые были заложены нашим с ним сотрудничеством, нашли в ней отражение. И вот, к сожалению, я остался единственным в России представителем советской науки уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права (с докторским дипломом ВАК СССР).

Грушин Ф. В.: Спасибо, Владимир Александрович, я понимаю, что это повлияло на то, что Вы связали свой научный путь с исправительно-трудовым правом (впоследствии – уголовно-исполнительным), а вот почему Вы именно на нем остановились, не ушли в более популярное уголовное право, криминологию? Почему все-таки уголовно-исполнительное право?

Уткин В. А.: Мне кажется, личность научного руководителя здесь имеет определяющее значение. Это не только контент тех проблем, которые составляют предмет уголовно-исполнительного права, но и методология, подходы, решения. Поскольку я сейчас уже и де-факто и де-юре привлекаюсь для решения многих задач юридического профиля, выходящих за пределы уголовно-правовой науки, мне несколько не мешает то, что я являюсь тюрьмоведом по основной специальности, потому что проблематика права в сфере исполнения наказания, по сути дела, предполагает использование всего арсенала методологии юридической науки, таких категорий теории права, как правоотношение, юридические факты, источники права, правоприменение. В силу этого я себя ни в коей мере не считаю ущемленным в том, что моя специальность, как и Ваша, является относительно узкой, когда специалистов профессорского уровня можно пересчитать на пальцах обеих рук. Просто сама по себе методология изучения правовых вопросов несколько не снижает нашей с Вами юридической компетентности, в том числе в решении других правовых вопросов.

Грушин Ф. В.: Хорошо. Владимир Александрович, тогда следующий вопрос. Как Вы считаете, какие направления в современном уголовно-исполнительном праве сейчас наиболее актуальны? Что требует более детального изучения?

Уткин В. А.: Я старался в своих работах эти направления обозначать. Конечно, в силу объективных причин не все получается доводить до конца, поэтому приходится отдавать это на разработку своим ученикам.

Прежде всего это оптимизация уголовно-исполнительной системы как таковой, вопросы облика современных исправительных учреждений. Я неоднократно выступал за то, что сейчас начинает приобретать организационные рамки. Это проблема мультирежимных и гибридных исправительных учреждений, которые сочетали бы в себе черты и исправительных колоний, и учреждений иного уровня, таких как исправительные центры, тюрьмы. Об этом я начинал писать еще 25 лет назад, и очень хорошо, что сейчас хотя бы в виде пилотного проекта это предполагается реализовывать. Эти вопросы в идеале нужно решить с помощью нового закона об уголовно-исполнительной системе.

Проблема службы пробации – это проблема взаимосвязи двух ветвей уголовно-исполнительной деятельности. Она актуальна для всех стран, и я ей тоже занимался, но сейчас важно ее не «заболтать», не превратить в сугубо терминологическую революцию, когда под новой терминологией мы закроем старые проблемы, и вместо того,

чтобы их решать, мы их «замажем», может быть, терминологически по-иному обозначим и успокоимся, а по сути все останется.

Проблема самого уголовно-исполнительного права как отрасли права очень большая, потому что сейчас стоит вопрос (я тоже об этом писал) о создании некоторого интегративного уголовно-исполнительного права, которое включало бы в себя три стадии реализации уголовной ответственности или три стадии деятельности уголовной юстиции. Это допенитенциарное (допенальное) уголовно-исполнительное право, которое предусматривало бы и те нормы, которые есть в УПК РФ и Федеральном законе о содержании под стражей. И тогда это допенальное уголовно-исполнительное право было бы книгой первой УИК РФ. Сам термин «уголовно-исполнительное» ведь еще не говорит о ее содержании. Раз есть уголовно-процессуальные или уголовно-правовые меры, значит, термин «уголовно-исполнительное» под них подходит, условно говоря. Вторая часть – это то, что сейчас составляет их ядро, – отношения, связанные с реализацией уголовных наказаний разного вида и иных мер уголовно-правового характера. И третье – это постпенальное уголовно-исполнительное право, но тут нужно оговориться. Я не пытаюсь «затолкать под крышу» уголовно-исполнительного права вопросы социальной помощи, потому что это не исполнение и контроль. Хотелось бы их все-таки развести. Вопросы социальной помощи должны решаться в рамках широкого социального законодательства, которое было бы рамочным на федеральном уровне, поскольку это сфера совместного ведения, а на местах они должны решаться бы с учетом конкретных возможностей и законов субъектов федерации. На уровне контроля то, что сейчас отдано на откуп административного надзора ОВД, то, что сейчас должно решаться применительно к УДО, должно быть сферой более широкого уголовно-исполнительного права.

Еще одна проблема – это проблема методов, то есть способов. У нас принято считать, и это действительно правильно, что метод властного приказа самый главный, всеобъемлющий, он в сфере принуждения, каковым является наказание, и иным он не может быть. Но все же, как мне кажется, мы незаслуженно забыли диспозитивный метод, когда те или иные правовые последствия возникают не из приказа, а из неких согласительных процедур. В плане социально-педагогической направленности, гуманизации и гибкости этот способ заслуживает более широкого внимания (и не только при лишении свободы, где он тоже есть). Например, без согласия осужденный не может быть оставлен в СИЗО, переведен в колонию-поселение, это принципиально важно. Но и для мер, не связанных с лишением свободы, тоже открываются большие перспективы, они, кстати, отражены в Европейских пенитенциарных правилах 2017 г. Это вопросы выбора режима непенитенциарной меры, вопросы явки, вопросы проведения электронного мониторинга с учетом пожеланий осужденного, вопросы трудоустройства. Такие вопросы должны решаться более системно.

Актуальными являются проблемы интегративной безопасности и обеспечения правопорядка в местах лишения свободы, в том числе средствами уголовного и уголовно-исполнительного права. В частности, нужно внимательно посмотреть на недостатки в реализации уголовной ответственности в сфере обеспечения правопорядка. У нас есть ст. 321 УК РФ, которая не очень удачно сформулирована. Она скопирована из двух статей, которые были раньше. Первая – ст. 771 УК РСФСР 1960 г. называлась именно «Дезорганизация», это был «лагерный бандитизм», вторая – «Злостные нарушения». Потом, в 1996 г., почему-то объединили необъединимое. В итоге эта статья у нас не работает. Я думаю, что их необходимо разделить на две статьи. Первая – «Систематическое злостное нарушение режима в учреждениях, обеспечивающих изоляцию», а

вторую и третью части вывести в отдельную статью – «Насилие в отношении персонала». Но первое будет предполагать уголовно-исполнительную преюдицию, а следовательно, нужно смотреть и ст. 116 УИК РФ, нарушения, которые не должны приниматься априори злостными, оттуда убрать, а другие включить. Те, которые сейчас злостные, но не очень важные, объединить в промежуточную группу, чтобы они не составляли уголовно-исполнительную преюдицию (грубое нарушение). Например, употребление спиртных напитков и организация массовых беспорядков или групповых неповиновений имеют качественную разницу.

Наконец, проблема общественного контроля. На мой взгляд, его в свое время незаслуженно отставили в сторону, и, к сожалению, до сих пор это не реализовано даже частично так, как оно было в советское время. А действенный общественный контроль важен, как показывают последние события, и я, как председатель Общественной палаты Томской области, которая по закону курирует общественную наблюдательную комиссию, это хорошо вижу по региону. К сожалению, на бумаге общественный контроль есть, но нередко на практике его нет. Отсюда возникают разные альтернативные правозащитники, которые на этом зарабатывают политический и финансовый капитал.

Грушин Ф. В.: Спасибо, следующий вопрос. Владимир Александрович, наша уголовно-исполнительная система достаточно консервативна, я сейчас подвожу к так называемым западным ценностям. Например, Правила Нельсона Манделы содержат такую норму: «При размещении осужденного в пенитенциарном учреждении необходимо учитывать его половую самоидентификацию». В то же время в нашем УИК РФ сохраняются такие нормы, предусматривающие, что мужеложство и лесбиянство является злостным нарушением. Как вы считаете, вот эти «западные ценности» постепенно будут проникать в нашу уголовно-исполнительную систему?

Уткин В. А.: Здесь есть три части. Первая – общеправовая, вторая – организационная и третья – непосредственно правовая. Методология международных норм основана прежде всего на общечеловеческих ценностях, которые были изложены еще в лозунге Французской революции: «Свобода, равенство, братство», то есть на первом месте стоит свобода, на втором – равенство, на третьем – братство. В восточной философии тот же самый лозунг будет изложен совершенно наоборот. Сначала – братство, потом – равенство, потом – свобода, то есть восточный менталитет ставит во главу угла коллективизм, тогда как западный – личность. Россия, которая находится на стыке этих двух менталитетов, конечно, вынуждена каким-то образом адаптировать и то и другое, и поэтому не все то, что нам преподносится как бы под видом общечеловеческих ценностей, априори является таковым. Нужно смотреть по-другому, осторожнее. Второе, в отличие от западных тюрем, точнее от западной уголовно-исполнительной системы, наша система традиционно является преимущественно лагерной. Она имеет иные плоскости обеспечения безопасности, в том числе безопасности личности, которых в западной тюрьме не существует. Если у тебя есть, скажем, 15 разного рода трансгендеров, ты их можешь рассадить на 15 камер, и у тебя проблем не будет, а вот если они все в одном отряде, то это проблема. На мой взгляд, она так активно у нас развиваться не будет, тем не менее проблема есть. Что касается конкретного решения. У нас ведь тоже была такая проблема, когда в СМИ прошла информация, что человек, который обладает объективными признаками мужчины, себя считал женщиной. Я исхожу из того, что нормы Минимальных стандартных правил, как вы правильно сказали, – нормы рекомендательные. Для того чтобы обеспечить безопасность личности, у администрации есть достаточно способов. Какой технический способ будет принят для того,

чтобы обеспечить безопасность конкретной личности, решается либо непосредственно администрацией, либо на более высоком уровне. Закрепляя эту норму, мы должны иметь в виду и ее оборотную сторону: призыв осужденного каким-то образом заявлять о своей уникальности.

Что касается «добровольного» мужеложства и лесбиянства, несмотря на то что в УК РФ такой нормы нет, я в УИК РФ ее бы оставил, потому что в местах пенитенциарного социума мужеложство не только удовлетворение каких-то потребностей, но и средство унижения, закрепления статуса, средство угрозы, то есть в тех стесненных, изолированных, искаженных, с точки зрения неформальных норм, условий лагеря объявлять, что теперь возможно мужеложство якобы по согласию, неправильно. Не случайно у нас осужденному запрещено отчуждать в пользу других осужденных принадлежащее ему имущество, хотя, казалось бы, это сделка. Запрещено отчуждать осужденному в пользу другого осужденного свою квартиру. Запрещено отчуждать даже что-то менее значимое, потому что за этим может крыться совершенно иное. Вот так и здесь. Пока у нас лагерные условия определяют специфику, мы должны к этому очень осторожно подходить. Вроде бы не насильственно, но кто-то поставлен в такие условия. Мы не можем условия свободы просто так «опрокидывать» на условия неволи.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, как вы оцениваете современное состояние уголовно-исполнительной науки?

Уткин В. А.: Считаю, что оно довольно противоречиво. С одной стороны, расширяется проблематика научных исследований, в научный оборот вводится опубликованная статистика, появляются талантливые ученые, возникают научные коллективы (прежде всего в ведомственных вузах ФСИН России). С другой стороны, в теоретическом плане уголовно-исполнительная наука в целом, как ни парадоксально, ниже, чем она была лет 30 назад. Почему? Раньше, когда мы ею занимались, очень много было закрытой информации, и фактические данные были закрыты, в том числе те, которыми располагали гражданские вузы. Например, профессор А. Л. Ременсон, который на наш студенческий вопрос: «Сколько в СССР заключенных? – хитро отвечал: «Не так мало, как я хотел сказать, и не так много, как вы подумали». Даже свою кандидатскую диссертацию я защищал под грифом «Для служебного пользования». Это заставляло ученых каким-то образом идти вглубь. Вширь идти было не очень возможно, потому что это требовало какой-то информации, она время от времени выдавалась, но тогда ученые разрабатывали категории более глубокие. Когда в 90-е годы произошел кризис науки, кризис в социальном плане, многие ученые, перспективные кандидаты наук ушли в другие сферы: в коммерцию, государственную службу. И до сих пор сохраняется дефицит поколения 90-х, тех, которые могли бы в те годы стать докторами наук. Они сейчас бы воспитали очень хорошую плеяду ученых. Вот Вы – ученик Вячеслава Ивановича, Вам повезло, что Вы его встретили, и Вячеславу Ивановичу повезло, что он не ушел из науки. У меня самого 26 кандидатов наук и один доктор наук. Если бы я не пришел в науку, не остался, хотя у меня, как и у многих, были перспективные коммерческие предложения, эти 27 не появились бы. Однако появились и ученые другого уровня, которые особо не утруждают себя изучением классиков уголовно-исполнительной (исправительно-трудовой) науки, да и вообще того, что на эту тему написано до них. Порой работы пишутся на таком уровне: «А я так считаю». «Современный» подход: «Этот написал это, а я так считаю». А почему так считаешь – непонятно. Где глубина аргументации? На подобном уровне пишутся и отдельные докторские диссертации, а такие ученые таких же учеников и воспитывают, которые думают, что до них ничего не было. К сожалению, есть такое

негативное направление в науке, не говоря уже о том, что ученых, которые занимаются проблемами методологии уголовно-исполнительного права, становится не то что меньше, но они уже как-то не видны. Наши практики уже не так реагируют на предложения науки, у них свои проблемы. На сегодняшний день издается множество журналов, и у нас в университете – два журнала WoS, но когда начинаешь читать работы некоторых авторов, видно, что они на уровне юридического позитивизма – «что вижу, то пишу». В лучшем случае, я это назову по-иному и это будет «моя наука». Но наука появляется там, где появляются новые знания, а если старая информация излагается в новых терминах, то это не наука. Это наукообразие. К сожалению, тем, кто хочет действительно в науке чего-то достичь, нужно смотреть на то, чтобы наука не заслонялась наукообразием.

Грушин Ф. В.: Согласен, Владимир Александрович.

Уткин В. А.: Я бы так сказал: новое знание получить и изложить довольно не просто, а нагородить на старое «трехэтажных терминов из юридического новояза» несложно. Но потом, когда начинаешь разбираться, что же автор хотел написать, первый снимаешь слой, второй, а это уже давно было, только автор этого не знает или игнорирует.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, следующий вопрос. Я знаю, Вы были во многих странах, знакомились с зарубежными пенитенциарными системами. Как Вы считаете, что можно было бы у них позаимствовать относительно нашей системы? Или, может, наоборот, что не следует внедрять в нашу уголовно-исполнительную систему?

Уткин В. А.: Вопрос очень обширный. То, что мы сейчас пытаемся делать пилотные проекты по созданию мультирежимных учреждений, то, что мы собираемся это вывести на законодательный уровень, уже само по себе и есть адаптация передового зарубежного опыта. Так называемая конвергенция.

Вторая очень серьезная вещь – это то, что мы должны посмотреть вопросы общественного контроля. Вот, например, западная «система посетителей тюрем». Но и еще одна проблема – это проблема социальной адаптации, переходные уголовно-исполнительные учреждения. В Стокгольме мы посещали подобное учреждение, где «пожизненники» должны были два года перед освобождением жить, работать и привыкать к свободе. Этот интересный опыт работы, связанной с социальной адаптацией, очень важен, как и вопросы индивидуальных траекторий исправления, психологической помощи осужденным. Нужно еще иметь в виду, что у нас совершенно разная методология лишения свободы. У нас лишение свободы с точки зрения режима – это кара, на западе – режим безопасности. Отсюда у нас часть режима – мера карательная, она определяется законом и судом, а у них это меры безопасности. Они всецело находятся в административной власти. И конечно, самое принципиальное то, что, хотя все равно наша лагерная система тюремной не станет, важны и отдельные вещи, связанные с обращениями осужденных. Ведь если у осужденных в Америке нет другого способа защитить свои интересы, кроме как в суде, то в каждом американском учреждении есть адвокатская контора. Они посещают эти конторы, а конторы содержатся за счет системы, адвокаты составляют жалобы и идут в суд. В данном случае система отработана. У нас несут жалобы в различные инстанции, но механизм той же самой подачи жалобы, тому же прокурору у нас детально не отработан. С одной стороны, написано, что она не подлежит цензуре, а с другой – администрация доводит до осужденного ответ.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, вот такой вопрос: как Вы боретесь с плохим настроением?

Уткин В. А.: У меня плохое настроение бывает редко, ведь я как преподаватель и директор на виду и, как говорится, «заряжаюсь» от студентов. Есть, безусловно, и слож-

ные периоды. Тогда спасаюсь трудом за городом, читаю художественную литературу, использую прогулки, общение с семьей. В общем, все достаточно традиционно.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, ну и, наверное, последний вопрос: что бы Вы могли посоветовать молодым ученым, которые только начинают свой научный путь? Как им пройти все стадии с учетом современных трудностей, связанных с защитой диссертации?

Уткин В. А.: Видите ли, вопросы тут совершенно разные. Ведь все еще зависит от того, зачем человек посвящает себя науке. Вот у меня, условно со студенчества, это получалось, мне нравилось читать, извлекать какие-то истины, из которых можно было сделать свое понимание. Испытывать удовлетворение от самого процесса работы с литературой, ознакомления с новыми знаниями, но есть люди, идущие в науку, совершенно по другим мотивам. Предел – диссертация. А диссертация тоже может быть по-разному обозначена, например просто как средство продвижения по службе. Я сейчас об этом не говорю. Если говорить о науке, то нужно, конечно, больше читать. Не сразу торопиться что-то создать. Вот часто ко мне, допустим, приходят молодые кандидаты, только что защитившиеся, и говорят: я сажусь докторскую писать. Я говорю: подожди, ты должен немножко осмотреться. Докторская – это не три кандидатские в одной обложке. Прежде всего посоветовал бы идти по пути углубления знания того, что сделано до тебя, чтобы не изобретать велосипед и не выглядеть глупо, то есть с уважением относиться к другим ученым. Отсюда и ты получаешь моральное право, чтобы также уважительно относились к тебе. Не стараться сочинять заумные конструкции.

В свое время, будучи студентом, я написал тезисы выступления на две страницы на студенческой конференции. Моему руководителю Александру Львовичу они очень понравились. В основном они касались теории права, и он направил их в письмо Сергею Сергеевичу Алексееву, известному ученому-теоретику, поскольку с ним был хорошо знаком. Через некоторое время приносит мне письмо С. С. Алексеева, от руки написанное, где-то оно у меня сохранилось. Я был студентом 4-го курса, представьте себе, получить письмо от С. С. Алексеева. Там было написано, что тезисы ему понравились, что у автора есть «научное будущее», но одно замечание его или пожелание – дословно: «Пусть автор обуздает теоретическую прыть. В свое время я себя на этом крепко обуздывал». Ременсон был с ним согласен: если ты пришел – это не значит, что ты делаешь революцию. Не нужно отрывать от «земли», ведь от практики восходят самые крупные теоретические проблемы, и ни в коей мере не чуждаться общения с практикой, потому что многие вещи не могут быть решены практически, если они не решены методологически. Нужно все время учитывать эту связь с практикой, не строить воздушных замков, иначе это будет не наука, а лишь какая-то высокопарная риторика. Ближе быть к практике, но, конечно, не идти у нее на поводу, а стараться приносить пользу, в том числе и хорошей теорией. Ведь хорошая теория – это главное средство решения практических задач.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, спасибо большое!

Уткин В. А.: Если мои рассуждения окажутся полезными, то я буду рад. Спасибо!

Интервью взял
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
Академии ФСИН России
доктор юридических наук, доцент
Ф. В. Грушин